

По ту сторону рампы

Олега Шевцова. Впрочем, и репетиционный зал оккупирован им: по стенам расставлены афиши очередных спектаклей, куски расписанных декораций. Отсюда и отправят их в соседний, подделочный цех, где звонко поет рубанок и серпантин стружек падает под ноги мастерам. Здесь «строятся» улицы, деревья, дома.

А какой же дом без обстановки? Двери мебельно-реквизиторского цеха выходят прямо на сцену. Здесь хозяйство Полины Сергеевны Ионида и Анны Константиновны Аксеновой. Хозяйство, которому кое в чем позавидуют, пожалуй, и антиквары, и работники музеев. Мебель всех эпох — от типа «гей, славяне» до сегодняшнего модерна, картины и шпалы, иконы и новейшее медицинское оборудование, ожерелья и цветы всех времен года — поди, разберись в этом вавилонском столпотворении! Но А. К. Аксенова разбирается — и успешно! Вот уже двадцать третий год. Подлинная атмосфера эпохи создается деталями быта. И вместе с режиссером-постановщиком заведующая мебельно-реквизиторским цехом тщательно отбирает эти «детали» для спектакля.

Со старожилками театра сталкиваешься за кулисами на каждом шагу. Ирина Витальевна Пушкарёва пришла в театр в 1920 году наивной девочкой, без памяти влюбленной в сцену. Но призвание свое обрела за кулисами: она стала верным спутником актеров. Ведь в костюмерной тоже создается спектакль! И нередко далеко за полночь и с раннего утра, когда отдыхают уставшие от репетиций, спектаклей и выездов актеры, стрекочут в костюмерной машины, и вместе со своей верной помощницей Александрой Петровной Золотаревой склоняется Ирина Витальевна над эскизами. Чего-чего не приходится им шить! Чопорные платья великосветских дам и рабочие комбинезоны, и — вот сейчас — яркие казачьи наряды.

А потом чинно повиснут одежды к идущим спектаклям в про-

сторной комнате «тети Лели» — Е. К. Петрусика. С 1948 года одевает она актеров, нередко делит с ними все мытарства выездных спектаклей и полных дорог в снег и распутицу, в дождь и жару. И постоянно следит за тем, чтобы не теряли костюмы своей свежести: стирка, утюжка, мелкий ремонт — все это дело ее рук. В этой комнате мундиры эсэсовцев мирно сосуществуют с камзолами испанских грандов, экстравагантные «шаряды» брошенных мужей из «Женского монастыря» — со строгими черкесками из «Бэлы».

Так же, как и в соседней комнате, в парикмахерском цехе З. Д. Пашковой уживаются «скальпы» на любой, самый капризный вкус.

Мы рассказали далеко не о всех людях, чей труд в значительной степени определяет достоверный облик людей и событий, оживающих на сцене. Есть еще гримеры, в чьих умелых руках молодость, старость и даже отчасти — характер героев; художники, создающие зрительный образ спектакля; радист, благодаря которому вы слышите торжественную мелодию и лай собак, шум моря и гул сражений...

Но чем бы ни начинался и чем бы ни кончался театр, мозг его, нервы его, суть его — актер. К. С. Станиславский говорил, что режиссер должен умереть в актере. И все, что создается в театральных цехах трудом людей, увлеченных и считающих театр своим вторым домом, — все это предпосылки рождения образа. Вы ждете рассказа об этом процессе? Но творческая лаборатория актера — тема особого и серьезного разговора.

Сейчас в театре вступили в свои права лимитное время «Поднятой целины»: в объединяющих составных частях постановки оживают страницы шолоховской летописи. И в сутках теперь столько часов, сколько нужно для безупречного звучания спектакля, подготовленного главным режиссером театра С. М. Рейнгольдом. Закроем тихонько двери — актерам нельзя

сейчас мешать: рождаются последние штрихи образа. А через несколько дней раздвинется занавес, впуская вас в жизнь обитателей Гремячего лога, в жизнь трудную, полную трагических столкновений, нелегких побед, глубоких раздумий и обжигающих страстей. И не станем называть исполнителей: пусть будет радостной неожиданностью встреча с ними.

Спектакль готов к сдаче. А на доске приказов вот-вот появится новый: назначение на роли в постановке «Тайнственный остров» и «104 страницы про любовь».

...Это обыкновенное чудо — рождение нового спектакля. Вы знаете теперь, сколько волшебников создают его.

Н. ДАНИЛОВА.

На снимках: монтировка декораций к «Поднятой целине» окончена. Декоратор О. Шевцов и художник А. Келл еще раз сверяются с макетом; репетируют заслуженный артист Чувашской АССР М. Запалдин и артистка И. Дубровина. Режиссер С. Рейнгольд (справа) внимательно слушает: «Повторим еще раз!».

Фото Е. Соколова.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ подъезды оживают по вечерам. Они не кричат неоновыми радугами — неброский свет их огней мягко высвечивает афишу очередного спектакля. Так радушный, но полный чувства собственного достоинства хозяин приглашает друзей: заходите, мне есть о чем рассказать вам! И вы всегда с затаянным волнением проходите в зрительный зал.

Вы нетерпеливо разворачиваете программу и привычно пробегаете глазами первую страницу: «Действующие лица и исполнители». А случилось ли вам так же внимательно прочесть неизменный список на второй странице? Там всегда — одинадцать имен. Даже если действующих лиц — двое. ...Хотите узнать, как рождается чудо? Заглянем сегодня в республиканский театр русской драмы с утра, когда заперты двери подъезда и театральные кресла замаскированы чехлами, и в фойе...

Впрочем, в фойе слышится оживленные голоса и резкий звук разрываемой материи. Что здесь происходит?

— Разем горизонт, — поясняет деловито заведующая постановочной частью В. Ф. Милустина. И ничего особенного — в закули-

настроение спектакля. И сколько прищипанных проверок проходит каждый луч, прежде чем высветит вечером радость, печаль или надежду!

Рядом с репетиционным залом бесшумные, благоухающие скипидаром и красками владения заведующего декоративным цехом